

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Волкова Владимира Алексеевича

на диссертацию Юрасова Михаила Константиновича

«Венгрия и русские княжества в XII веке»,

представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности: 07.00.02 — Отечественная история

Проблема, поставленная в диссертационном исследовании М.К. Юрасова «Венгрия и русские княжества в XII веке» *актуальна* в научном отношении, поскольку до сих пор никто настолько детально не изучал историю русско-венгерских отношений XII столетия в различных ракурсах: отражение в них внутривосточной борьбы на Руси и в Венгрии, вмешательство в борьбу за престол в Польше и в Венгрии, венгерско-византийское противостояние на Балканах и другие аспекты международных отношений в рассматриваемое время.

Внешнеполитическая история, по которой специализируется автор диссертационного исследования, тесно связана с военной историей. Особенно ярко это проявляется в эпоху Средневековья, когда военные конфликты давали «благородному сословию» возможность показать свое жизненное предназначение. Автор диссертационного исследования стремится рассмотреть все дошедшие до нас сведения о войнах и пограничных столкновениях, в которых принимали участие венгры и их русские союзники или противники. При этом обращается внимание, прежде всего, на причины вооруженных столкновений, внешнеполитическую обстановку, наличие союзников и т. п.

Хронологической вехой, от которой диссертант разворачивает свое исследование, является военная катастрофа, которую пережило в 1099 г. приведенное венгерским королем Калманом Книжником войско под

Перемышлем. При этом подчеркивается, что главными виновниками разгрома венгров стали половцы хана Боняка, а прочный союз Калмана с киевским князем Святополком Изяславичем выдержал проверку временем, несмотря на то что зятем Святополка был принц Алмош – младший брат и соперник Калмана в борьбе за венгерский престол (С. 162–163).

Особое внимание диссертанта привлекает оказание военной помощи Калманом и Святополком польскому князю Болеславу III Кривоустому в 1106–1108 гг., когда тот боролся с оспаривавшим у него престол братом Збигневом. При этом подчеркивается, что сын киевского князя Ярослав Святополкович, женатый первым браком на венгерской принцессе, а вторым – на польской княжне, фактически командовал всеми вспомогательными отрядами, пришедшими из Руси и Венгрии на помощь Болеславу Кривоустому (С. 182).

Рассматривая период киевского княжения Владимира Мономаха (1113–1125), диссертант не оставляет без внимания все его внешнеполитические акции, чтобы показать, что Владимир Всеволодович проводил активную антивизантийскую политику на Нижнем Дунае и продолжал сдерживать натиск степняков на русские границы, но отказался от мести Калману Книжнику за высылку им своей жены (дочери Мономаха), обвиненной королем в супружеской измене (С. 198). Само по себе это наталкивает на признание отцом виновности дочери, однако диссертант присоединяется к господствующей в отечественной историографии точке зрения, согласно которой версия об адюльтере Евфимии Владимировны была создана окружением Калмана Книжника и активно поддерживалась при его преемниках Иштване II и Беле II для отклонения претензий рожденного Евфимией сына (Бориса Калмановича) на венгерский престол (С. 195).

Много внимания уделено в диссертации конфликту между Владимиром Мономахом и Ярославом Святополковичем, длившимся с 1117 по 1123 г., причиной которого, скорее всего, стало нарушение Мономахом договоренности с Ярославом о порядке наследования киевского стола (С.

212–218, 223–229). Эта война состояла из цепи мелких военных столкновений на русско-польской границе и похода венгерско-польского войска на Русь с целью возвращения Ярославу «отчинного» Владимира-Волынского. Диссертант ярко показал, что в то время в планы венгерской правящей верхушки не входило создание плацдарма на землях юго-западной Руси, причем она заставила Иштвана II отказаться от штурма осаждаемого города после нелепой смерти под его стенами Ярослава Святополковича.

На примере военных конфликтов, происходивших в южной и юго-западной Руси в конце 20-х – начале 50-х годов XII в., М.К. Юрасов показывает политические линии, которых придерживались Арпады в отношении Рюриковичей. Высылка Евфимии Владимировны и рождение ей Бориса Калмановича побудили Калмана и его сына Иштвана II последовательно поддерживать врагов Мономаха и Мономашичей. В 1138 г. представитель другой ветви Арпадов Бела II – для нейтрализации занимавших киевский стол дядьев Бориса Калмановича – оказал военную помощь Ярополку Владимировичу в его борьбе с черниговским князем Всеволодом Ольговичем (С. 304–307). Последний остался в глазах венгерской правящей верхушки мятежным князем, не признававшим верховную власть Киева, поэтому во время его киевского княжения (1139–1146) Арпады не предприняли никаких попыток установления с ним политических отношений (С. 328–338).

События борьбы за Киев, шедшей в 1149–1152 гг. между Изяславом Мстиславичем и его дядей Юрием Долгоруким, в которую оказались втянутыми венгерский король Геза II и половцы, многократно исследовались отечественными историками, в том числе специалистами по летописеведению. Несмотря на ряд сложившихся концептуальных представлений о происхождении информации ранних русских летописей и взаимоотношениях отдельных летописных памятников между собой, диссертант не всегда склоняется перед мнением корифеев в области летописеведения. Так, он приводит на С. 427–433 аргументы в опровержение

тезиса А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова о том, что в Лаврентьевской летописи имеет место повтор в рассказе о событиях 1152 г. о бегстве галицкого князя Владимира Володаревича от войска венгерского короля Гезы II. Справедливо указывая на то, что названные авторы не провели для обоснования своей точки зрения сравнительного текстологического анализа параллельных отрывков Лаврентьевской летописи и других ранних летописных памятников, диссертант, рассматривая этот рассказ в ракурсе военной ситуации, сложившейся на границах Галицкого княжества, подкрепляет новыми аргументами мнение Н. Г. Бережкова, впервые серьезно оспорившего мнение о дублировании одного и того же известия в Лаврентьевской летописи и показавшего, что в данном случае речь идет о двух разных событиях.

Глава о событиях, произошедших в 1148–1152 гг. в южной Руси, в которой активное участие принимало вспомогательное венгерское войско, является самой большой по объему в рассматриваемом диссертационном исследовании, автор которого, не углубляясь в подробности изменения военно-стратегической обстановки (о чем много писали его предшественники), старается соотнести каждый шаг, предпринимаемый венгерским королем в рамках поддержки своего шурина – киевского князя Изяслава Мстиславича – с изменением международной обстановки на границах владений Арпадов. Это позволяет диссертанту объяснить причины задержек прихода венгров на помощь Изяславу. В то же время, диссертант показывает, что далеко не всегда такого рода задержки были связаны с ухудшением отношений Венгрии с Византией, Германией и другими западными соседями. Никто из предшественников диссертанта не обратил внимания на то, что в случае искреннего (а не вынужденного, как это было на самом деле) содействия Гезы II Изяславу Мстиславичу в деле полного подчинения Галицкого княжества на северо-восточных границах Венгрии появилось бы мощное объединение четырех княжеств (Киевского, Владимиро-Волынского, Переяславского и Галицкого), что вряд ли было в

интересах Арпадов. Именно этим диссертант объясняет то легковерие, которое проявил король по отношению к побежденному Владимиру Володаревичу, позволив последнему не исполнить ни одного из данных им на подаренном королем кресте св. Иштвана обещаний. Во многом по той же причине и сам король нарушил свое слово немедленно наказать Владимира в случае его клятвопреступления (С. 437–444, 459–460).

Диссертант неоднократно подчеркивает, что противостояние Изяслава с Юрием отчасти было проявлением борьбы двух политических течений в тогдашней Руси – про- и антивизантийского. Изяслав Мстиславич решительно боролся против диктата Константинопольской патриархии, являвшегося воплощением покровительственного отношения византийских императоров к русским князьям. Юрий Владимирович никакого недовольства по этому поводу не высказывал. Антивизантийская позиция Гезы II подкрепляла его союз с Изяславом, обусловленный, прежде всего, наличием у них близких родственных связей. По мнению диссертанта, стремление Византии активно вмешиваться в русские дела при Мануиле I Комнине (1143–1180) непосредственно влияло на отношения между Венгрией и Галичем во время княжения там Ярослава Осмомысла (1153–1187). Диссертант подробно рассматривает все действия Мануила I, сумевшего расстроить брак дочери Осмомысла с Иштваном III, но потерпевшего неудачу в деле создания из южнорусских княжеств реальной антивенгерской коалиции (С. 499–506).

Диссертант показал собственное понимание известной характеристики Ярослава Осмомысла, данной ему автором «Слова о полку Игореве»: «Высоко сѣдиши на своемъзлатокованнѣмъстолю, подперъ горы Угорскыи своими желѣзнымиплѣки, заступивъкоролеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бременычрезъоблаки, суды рядя до Дуная». Эти слова традиционно воспринимались исследователями как свидетельство военной и политической мощи Галицкого княжества при Ярославе Осмомысле, сдерживавшего венгерский натиск на русские земли. Диссертант приводит веские аргументы

в пользу того, что «величие» Ярослава во многом было обусловлено отсутствием интереса к нему со стороны Византии и Венгрии.

В диссертационном исследовании прослеживается судьба Андроника Комнина (С. 466–469, 500–506), приходившего двоюродным братом не только Мануилу I, но, скорее всего, и Ярославу Осмомыслу. В молодости Андроник вступил в тайный союз с Гезой II, что способствовало нормализации отношений между Галичем и Венгрией, а в 1164–1165 гг. Андроник находился в Галиче, пока не получил у василевса прощения за свою измену. После смерти Мануила Андроник стал сначала регентом, а затем императором Византии. По мнению диссертанта, именно обладание Андроником верховной властью в «империи ромеев» в 1180–1185 гг. способствовало отказу тогдашнего венгерского короля Белы III (1172–1196) от поддержания отношений с Ярославом Осмомыслом и проведения военных акций против Галицкого княжества, поскольку Андроник и Бела находились во враждебных отношениях (С. 537).

Мнение М.К. Юрасова о мнимом величии Ярослава Осмомысла в последние годы правления этого князя подтверждает ожесточенная борьба боярских «партий», развернувшаяся в Галиче после смерти Ярослава (1187), в которой активное участие приняли венгры во главе с возглавившим их войско королем Белой III, который первым из венгерских государей решил создать в Галиче плацдарм для распространения своей власти по другую сторону от линии Карпатских хребтов. Диссертант в данном случае не только детально проследил все акции венгерского короля, с помощью которых тот хотел укрепить положение своего сына Андраша на галичском княжеском столе, но и показал, что переход к политике террора по отношению к местному населению был вызван скорым отказом галичан от сотрудничества с королем и их попытками найти альтернативу венгерскому принцу (С. 552–566).

Отметим, что М.К. Юрасов первым среди специалистов по истории русско-венгерских отношений задался вопросом: что побудило Белу III

отказаться от практики своих предшественников и потратить огромные силы и средства на удержание под венгерской властью юго-западной Руси? По мнению диссертанта, стратегическими целями короля было, закрепившись в Галиче, выйти на Нижний Дунай и заставить вновь возникшее Второе Болгарское царство, мешавшее распространению венгерской гегемонии на Балканах, воевать на два фронта (С. 552–553).

Одной из проблем, которую диссертант попытался решить в разделе, посвященном правлению в Галиче венгерского принца Андраша, является определение времени возвращения города под власть Владимира Ярославича. При этом диссертант оспаривает укоренившуюся в исторической науке датировку – 1189 г., вступая в данном случае в дискуссию с Н. Г. Бережковым. По мнению диссертанта, привязка названным исследователем времени изгнания венгров из Галича к уходу Фридриха Барбароссы в крестовый поход дает возможность историкам датировать лишь время бегства Владимира из замка, куда его заточил Бела III. Не принимаемые исследователями всерьез свидетельства польских средневековых хроник (Кадлубка, Великопольской, Яна Длугоша) дают достаточно подробную картину мытарств Владимира Ярославича и наводят на мысли о том, что краковский князь Казимир II Справедливый (1177–1194) отказался выполнять приказ Фридриха I Барбароссы, что вызвало серию разбойничьих набегов князя-изгоя на земли юго-восточной Польши. На фоне интерпретаций этих событий другими исследователями, считающими, что Владимир вернул себе Галич в 1189 г., а его набеги на поляков происходили неизвестно, когда, предлагаемая диссертантом версия, согласно которой венгры владели Галичем до рубежа июля–августа 1190 г., представляется более логичной и оставляющей меньше нерешенных вопросов (С. 571–579).

Автор диссертационного исследования также обращает внимание на «татищевское известие» о попытке вмешательства венгерского короля (им был в то время Имре, 1196–1204) в процесс замещения галичского стола после смерти Владимира Ярославича (1198). Сведения «Истории

Российской» В. Н. Татищева встречаются во всех главах работы М.К. Юрасова. Автор учитывает все, что писал В. Н. Татищев в обеих редакциях своего многотомного труда, стараясь избежать крайностных суждений и давая отдельные, специальные оценки каждому уникальному известию «Истории Российской». В случае с кратким рассказом о походе венгерского войска в конце 1198 или начале 1199 г. по направлению Галича, прерванного после поучения венграми известия о занятии галичского стола владимиrowолынским князем Романом Мстиславичем, диссертант склоняется к признанию его вполне правдоподобным (С. 587–591). Рассматриваемый рассказ В. Н. Татищева, по мнению диссертанта, является последним примером в истории русско-венгерских отношений XII в. из тех, что нашли отражение в дошедших до нас источниках.

Помимо военных и дипломатических контактов между русскими князьями и венгерскими королями в рассматриваемую эпоху диссертант также держит в поле зрения начало процесса постепенного переселения части жителей русских земель во владения Арпадов. Поддерживая разделяемую большинством современных русинских историков и публицистов концепцию об исконном проживании русинов в бассейне Верхней Тисы (С. 205), диссертант старается оперировать только конкретными данными источников, показывающими, что в XII столетии имели место редкие и незначительные по числу переселившихся миграции русских на земли Венгерского королевства, допуская при этом, что появление русской семьи в одном из самых южных комитатов Венгрии нельзя однозначно расценивать как ее миграцию из Восточной Европы, поскольку это могли быть русины, пришедшие из Подкарпатской Руси (современная Закарпатская область Украины). (С. 532–533).

Оценивая работу в целом, следует признать, что это большое и серьезное, профессионально выполненное исследование, представляющее максимально полную на сегодняшний день и непротиворечивую историю русско-венгерских отношений в XII веке.

Однако необходимо высказать и ряд замечаний.

1. Оценивая вклад В.Т. Пашуто в изучение истории русско-венгерских отношений, М.К. Юрасов отмечает, что Владимир Терентьевич делит данный период на два этапа: на первом Венгрия содействовала обособлению от Киева волынских и галицких земель, на втором – поддерживала волынско-галицкий союз, противостоящий галицко-суздальской группировке (С. 125). К сожалению, отметив этот тезис своего предшественника, автор диссертационного исследования никак не комментирует данное утверждение, что, с нашей точки зрения, следовало бы сделать. Также в историографическом обзоре была отмечена, но не оценена гипотеза Пашуто об обстоятельствах попадания Бориса Калмановича в Византию (якобы вместе с высланными туда Мстиславом Великим полоцкими князьями). Между тем это предположение представляется М.К. Юрасову вполне вероятным, но об этом он сообщает уже в основной части своего диссертационного исследования (С. 268).

2. Некритично представлены автором диссертации результаты изучения Киевского свода венгерской исследовательницей Мартой Фонт. М.К. Юрасову следовало бы уточнить – права ли она, утверждая, что 3 группы известий о венграх Киевского свода «представляют собой три разные летописные традиции, относятся к трем авторам и неодновременно были написаны». (С. 133-134).

3. Возможно, автор должен был более предметно указать те положения работы киевского историка А.Б. Головки «Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в.» (1988), с которыми он не согласен. (С. 137).

4. Представляется, что рассмотрению русско-венгерских отношений в XII в. (Глава III) должно было быть предпослано ретроспективное описание политической ситуации на Руси и в Венгрии не только в начале этого столетия, но и, по крайней мере, в конце XI века.

5. Упомянув на с. 226 о гибели «Безена» под стенами Владимира-Волынского, М.К. Юрасову следовало и в данном случае уточнить, что речь идет о князе Ярославe Святотолчиче, несмотря на то, что ранее автор диссертации уже отождествлял этого персонажа венгерской хроники с этим князем.

6. В обзоре событий 1132 г., названном М.К. Юрасовым «Разгром собранного Борисом войска на р. Шайо», упомянута лишь сама битва между армиями короля Белы II Слепого и Бориса Калмановича и их союзников, произошедшая в праздник Марии Магдалины (22 июля 1132 г.), говорится о захвате доспехов и победном возвращении венгерского короля назад (С. 277-278). Необходимо было отметить удручающую скудость сведений об этом сражении, определившем дальнейшую судьбу и Венгерского королевства, и династии Арпадов, а не переходить сразу же к определению, кто из русских князей мог, а кто не мог помогать претенденту на венгерский престол Борису Калмановичу.

7. Диссертанту следовало более развернуто аргументировать свое утверждение о достаточно скромной роли Владимира Володаревича в международных отношениях до 1141 года. (С. 281).

8. Сопоставляя побудительные мотивы действий печенегов в 1036 г. (их поход на Киев) и половцев в 1148 г. (возможный поход на Галич) (С. 357-358), автор выдвигает гипотезу, не имеющую подтверждения – опасаясь вторжения половцев, Владимир Володаревич занял в 1148 году непривычную для себя позицию невмешательства в разразившемся тогда конфликте с участием венгерского короля Гезы II, владими́ро-во́лынского князя Изяслава Мстиславича и черниговского Святослава Ольговича. Отметим, что тем же половцам вероятнее выгоднее было тогда атаковать Венгрию, пользуясь тем, что войска короля Гезы II ушли в поход на Чернигов.

Отмеченные замечания не имеют принципиального характера и не снижают общей положительной оценки рассматриваемой диссертации, которая свидетельствует о научной зрелости ее автора.

Автореферат диссертации и опубликованные работы автора полностью отражают содержание исследования.

Диссертация Юрасова Михаила Константиновича, на наш взгляд, представляет собой квалификационное, самостоятельное, завершённое исследование, в котором решена актуальная проблема, имеющая важное научно-познавательное и практическое значение. Диссертация «Венгрия и русские княжества в XII веке» отвечает требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением № 842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор Юрасов Михаил Константинович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент

Волков Владимир Алексеевич

доктор исторических наук, доцент,

профессор кафедры Истории России

Московского педагогического государственного университета.

125481 Москва, ул. Планерная, д. 16, кв. 5. Тел. 8- 915- 496- 67-27

E-mail: lee8@mail.ru

27 марта 2018 г.

И. Юрасов
ОБЕЯЮ
Л.А. Шведова